

DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-4-533-547

Научная статья / Research article

Влияние цифровых технологий на модели производства и формы занятости: социально-философский анализ

Е.Г. Цуркан, Э.Д. Дряева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, Москва, Российская Федерация, 119991

Процесс интеграции цифровых технологий в структуру общественного производства и распределения приводит к ряду определенных тенденций капиталистического развития. Ускорение информационного обмена предоставляет возможность замены фордистской модели производства на более бережливую сетевую модель, подразумевающую выведение части сотрудников на аутсорс и снижение долгосрочности контрактных обязательств и отношений найма, что приводит к прекаризации труда определенной социальной группы, которую можно обозначить как «прекариат». Изменение условий труда приводит к изменению способов повышения производительности труда, что является причиной становления «обществ контроля», характеризующихся распределенной властью, встраиванием ранее внешнего принуждения внутрь личности, аффективным инжинирингом, пролонгацией образовательного процесса, возрастанием темпа и ритма работы, распространением проектных форм работы, заменяющих рутинные формы, и появлением ликвидной краткосрочной идентичности, свойственной представителям прекариата. Целью данного исследования является обнаружение и демонстрация глубинной взаимосвязи между этими процессами. Достижение поставленной цели в дальнейшем откроет дорогу более тщательному изучению каждого из этих процессов в отдельности, но уже исходя из перспективы их системного единства. В соответствии с целью исследования структура работы строится следующим образом: первый раздел посвящен ускорению социального времени, которое сопровождается сжиманием социального пространства, и изменением масштаба в котором могут действовать коммерческие и государственные предприятия, поскольку именно мгновенная положительная обратная связь, обеспеченная цифровой сетью, ведет к изменению инфраструктуры предприятий и трансформации производственных и логистических моделей (2 раздел). Так же ускорение обратной связи между наемным рабочим и работодателем приводит к прекаризации труда рабочего (3 раздел), сопровождающейся появлением «обществ контроля» (4 раздел).

Ключевые слова: фордизм, сетевая модель производства, прекарные формы занятости, ликвидная идентичность, общества контроля, капитализм, цифровые технологии, Интернет

История статьи:

Статья поступила 03.06.2019

Статья принята к публикации 12.07.2019

Для цитирования: Цуркан Е.Г., Дряева Э.Д. Влияние цифровых технологий на модели производства и формы занятости: социально-философский анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2019. Т. 23. No 4. С. 533—547. doi: 10.22363/2313-2302-2019-23-4-533-547

© Цуркан Е.Г., Дряева Э.Д., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Вторая половина двадцатого века была ознаменована информационно-технологической революцией, определившей переход к новому витку капиталистического развития, спецификой которого является все возрастающая роль цифровых данных и технологий в функционировании общества. К середине 1990-х годов начинает осуществляться «конвергенция медиа, компьютеринга и телекоммуникаций» [1. С. 26] в единую сеть — Интернет. Возможность производить и потреблять потенциально неограниченные объемы информации, обрабатывать массивы данных в соединении с обеспечением обширного доступа к глобальным телефонным сетям и распространением цифровых гаджетов ведет к принципиальной трансформации привычных форм труда и досуга. Несмотря на то, что даже в деиндустриализированных странах, не говоря уже о мировых промышленных центрах, в сфере цифровых технологий, по сравнению, например, со сферой промышленного производства, занято малое количество рабочей силы и создается малое количество прибавочной стоимости, цифровые технологии приобретают системную значимость для мировой экономики в целом. Это происходит из-за того, что цифровые технологии инсталлируются в традиционные сектора — промышленное производство, сферу услуг, логистику — становясь их неотъемлемым элементом. Все больше коммерческих и государственных компаний опираются в своих бизнес-моделях на информационные технологии, особенно на использование больших данных и Интернета, становясь частью цифровой экономики. Таким образом, цифровые технологии становятся системно важным элементом современной экономики, соответственно, изменения в области цифровых технологий приводят к изменению всего экономического ландшафта, равно как и коллапс в этой области, доведись ему случиться, приведет к кризису экономики в целом.

В процессе интеграции в традиционные экономические сектора цифровые технологии изменяют структуру общественного производства и распределения, что приводит к целому ряду экономических сетевых трендов, к которым мы относим на макроуровне: появление и распространение сетевой производственной модели; интенсификацию информационного обмена; снижение долгосрочности контрактных обязательств и отношений найма, приводящее к росту precariousности (незащищенности) труда / становлению «гигономики»; возникновение и развитие обществ контроля. На микроуровне: размытие традиционных для ффордистского рабочего дистрикций рабочее место/дом и работа/досуг; пролонгация образовательного процесса; изменение темпа и ритма работы; распространение проектных форм работы, заменяющих рутинные формы; появление «ликвидной» идентичности. Некоторые из этих трендов существовали и до распространения цифровых технологий, но внедрение цифровых технологий в экономические процессы существенно ускорило их развитие.

1. Скорость и ускорение

Цифровые технологии в целом и интернет-сеть в частности существенно интенсифицируют обмен информацией, что не может не сказаться как на характере социальной коммуникации, так и на инфраструктуре, выстроенной вокруг

использования этих технологий, «ибо сообщением любого средства коммуникации, или технологии, является то изменение масштаба, скорости или формы, которое приносится им в человеческие дела» [10. С. 10]. Речь идет не просто о количественных изменениях, но о качественной перестройке на микро- и макроуровнях. В работе «Компьютеризация: проблемы и перспективы» еще 30 лет назад В.В. Миронов обращал внимание на то, что «проникновение микроэлектроники в промышленное производство потребует коренной перестройки всей системы производства во всех его звеньях — от выпуска продукции до управления и до изменения сознания отдельного человека» [12. С. 28].

Внедрение технологий в организацию производства и сбыта продукции всегда создавало новые формы дистрибуции, изменяя цепочки поставок, и типы предприятий, при этом ограничивая старые, оказавшиеся в изменившихся условиях менее эффективными. Изобретение и введение в эксплуатацию локомотивов с паровым, а позже с электрическим приводом требовало построения новой инфраструктуры: железных дорог, новых типов городов и производств, унификации времени для составления расписания движения поездов и так далее. Точно так же цифровые технологии и интернет-сеть требуют в своем использовании построения и обслуживания сложной инфраструктуры: миллионов километров оптоволоконных кабелей, дата-центров и серверов. Например, энергозатратность современных суперкомпьютеров требует солидную систему воздушного охлаждения процессоров. Уже сейчас на долю Интернета приходится 9,2% потребления мирового электричества [17. С. 38]. Так же цифровые технологии обуславливают появление новых форм ведения бизнеса. «Цифровая экономика становится моделью гегемонии: города должны стать „умными“, бизнес — прорывным, рабочие — гибкими, а правительства — бережливыми и „интеллектуальными“» [17. С. 11].

Децентрализованный способ подключения узлов интернет-сети друг к другу и технология коммутации пакетов вместе позволяют оптимизировать процесс доставки сообщения, значительно ускоряя обратную связь. Технология цифрового хранения данных на кремниевых носителях позволяет эффективно накапливать огромные массивы информации, а алгоритмы обработки Big Data в совокупности с сервисами облачных вычислений позволяют эффективно эти массивы использовать, благодаря чему обмен информацией интенсифицируется и кратно возрастает, что подтверждает адекватность описания современного этапа развития общества как «информационного» [3. С. 330—342] или «информационального» [7].

Стоит отметить, что неинформационных обществ не бывает. В любом обществе и на любом этапе его развития осуществляется информационный обмен. Более того, необходимость обработки больших массивов информации в сжатые сроки не является специфической проблемой современного этапа развития. Как заметил Лев Манович еще в 1890-е годы, «...стало очевидно, что не только человеческий мозг столкнулся с необходимостью обрабатывать большие потоки информации. Та же проблема в полный рост встала перед корпорациями, правительством — в общем, любыми большими институциями» [11. С. 58]. Например, чтобы ускорить обработку данных, собранных во время переписи населения 1890 года в Америке, были введены в эксплуатацию электромеханические табуляторы, разрабо-

таннные Германом Холлеритом и работавшие на перфокартах. Что действительно специфично для современного этапа развития, так это изменение способа решения проблемы обработки больших массивов информации, координации миллионов наемных работников и осуществления взаимодействий между членами общества.

2. От фордистской модели к сетевой

Ответом на необходимость координации большого числа работников в контексте роста информационной неопределенности для построения систем массового производства в области промышленной индустрии 20 века стало появление «фордистского типа» организации процесса труда. То есть возникновение промышленных корпораций фордистского типа было связано: 1) с усложнением товарного производства, требующего специфических ресурсов и поставок; 2) увеличением расстояния между производителями и продавцами, что приводило к замедлению обратной связи; 3) ростом информационной неопределенности. Иерархические структуры позволяли снизить неопределенность — сделать выгодные для предприятия события вероятными, а невыгодные — невероятными [2. С. 39—40]. Компании фордистского типа координировали труд тысяч людей, делая ставку на долгосрочные контракты, а не на краткосрочные договоренности. Общая структура предприятий фордистского типа «...является пирамидальной с потоком власти, направленным сверху вниз. Все операции регулируются заранее установленными правилами... Для оптимизации результата задачи разбиваются на части в соответствии с разделением труда, и работа организуется как фиксированная последовательность этапов» [15. С. 156]. Труд, организованный по фордистской модели, подразумевает особую рабочую дисциплину, осуществляющуюся в изолированных пространствах концентрации власти (например, на заводах), где действия каждого отдельного работника анализируются, просчитываются и контролируются.

Такие предприятия, свойственные дисциплинарным обществам 20-го века, оказались невероятно эффективными. Из-за своей эффективности эта модель стала использоваться и в не промышленных областях, например, в ресторанном бизнесе фордистскую модель одной из первых стала использовать компания McDonalds, чтобы удешевить свою продукцию и получить преимущество на рынке.

Фордистская модель организации производства подразумевала физическое соединение больших масс людей со схожими формами занятости в ограниченных пространствах заводов и жилых массивов, что обусловило появление рабочих движений, в том числе профсоюзов, а также появление типа «массового работника» с особой идентичностью, основанной на общности труда. Наконец, фордистская модель, разработанная в условиях невозможности мгновенно получать всю актуальную информацию с рынков труда и рынков сбыта, подразумевала выпуск «лишней» продукции на случай непредвиденного скачка спроса и найма «лишних» работников на случай, если они неожиданно понадобятся в производстве.

Фордизм, допускающий потери, является оправданной стратегией только в условиях информационного недостатка. Один из основных капиталистических

императивов, а именно снижение себестоимости производства по отношению к цене конечного продукта с целью увеличения прибыли, приводит к необходимости введения в производство новых технологий и производственных моделей, основанных на этих технологиях, с целью получения преимущества в конкурентной борьбе. Так, развитие информационных технологий к 1970-м годам позволило заменить недостаточно бережливую фордистскую модель производства более экономным японским тойотизмом [17. С. 19]. Уменьшение временного интервала, требующегося для получения положительной обратной связи, связанное с новым программным обеспечением, облегчающим логистику, дало возможность сократить запасных рабочих, не задействованных в актуальных производственных процессах, а запасы продукции и комплектующих свести к минимуму. Информационные технологии предоставили возможности заказывать комплектующие только под фактические потребности производства, а обратная связь от рынков сбыта позволила привести производство товаров в соответствие с актуальным потребительским спросом, то есть создавать индивидуальные кастомизированные товары.

Взрывное распространение Интернета, произошедшее в последнее десятилетие XX века, создало условия информационного избытка, если не переизбытка, что, в свою очередь, позволило включить рыночных игроков в единую сеть, расширяя возможности кастомизации товаров и в то же время позволяя выводить некоторую часть наемных рабочих на подряд (аутсорсинг). Вовне могут быть выведены все формы занятости, которые не требуют личного присутствия: некоторые административные функции, ввод данных, бухгалтерия, справочная служба и другое информационное обслуживание клиентов. Более того, цифровые технологии позволяют включать в сеть не только людей, но и вещи, то есть появляется возможность создания «промышленного интернета»: встраивания компьютерных чипов в производственные процессы для их частичной автоматизации. В условиях распространения цифровых технологий уже модель тойотизма оказывается недостаточно бережливой и ей на смену приходит сетевая модель производства.

Переход к сетевой модели становится возможным по ряду причин.

Во-первых, ускорение коммуникации упраздняет проблему, связанную с физическим расстоянием и временем, которое требовалось, чтобы это расстояние преодолеть. Речь идет как о расстоянии между нанимателем и работником, так и о расстоянии между производителем и потребителем и о времени, требующемся, чтобы их связать. Мир становится все более глобальным, что расширяет возможности ведения бизнеса, позволяет использовать широкие возможности аутсорсинга и краудсорсинга. Часть персонала, требующегося для обеспечения нормальной работы предприятия, может работать через удаленный доступ из любой точки мира.

Во-вторых, стремительное удешевление технологий извлечения данных из всех действий, осуществляемых на производстве, позволяет расширять контроль над производством, не расширяя при этом управленческий штат, так как регистрация данных о процессе производства автоматизирована.

В-третьих, цифровые технологии позволяют извлекать не просто обобщенные данные об уровне спроса на рынках сбыта, но индивидуализированные данные каждого конкретного потребителя, что предоставляет производителю возможность кастомизировать и таргетировать конкретные продукты для конкретных потребителей. Это существенно понижает издержки производства, позволяя производителям переходить на все более бережливые модели.

Использование цифровых технологий повышает скорость производственного цикла и общественного обмена, одновременно понижая долгосрочность контрактов и отношений найма. Субординационные и иерархичные бизнес-модели, свойственные 20-му веку, оказываются слишком неповоротливыми, что лишает их способности достаточно быстро отвечать на изменение ситуации на рынках сбыта и рынках труда. «„Ригидность“ фордистского конвейера уступила место новой „гибкости“» [19. С. 66].

Производство различных товаров и услуг подразумевает использование разных производственных моделей, что отнюдь не означает исчезновение потогонных предприятий, эксплуатирующих фордистскую модель производства. Сетевая модель производства, ранее локализованная в области цифровых технологий, актуально выходит за пределы этой области. Цифровая экономика выступает в качестве некоего идеала, образа воображаемого будущего, цели, к которой движется прогресс. В этом смысле цифровая экономика «легитимирует современный капитализм» [17. С. 11] в качестве динамично развивающейся системы, задавая общие тренды развития.

3. Прекаризация и гигномика

Увеличение прибыльности производств может происходить за счет не только использования новых технологий, но и введения новых форм эксплуатации рабочих. Вызовом современного этапа развития капитализма стало распространение незащищенных форм труда, то есть новых видов частичной и нестандартной занятости. Существует несколько различных концептов, описывающих этот экономический процесс. Первый — это «прекариат». Понятие прекариата — нестабильного и незащищенного общественного слоя, лишенного социальных гарантий, — было предложено Пьером Бурдые в 1998 году в статье «Precarite est aujourd'hui partout» («Нестабильность сегодня наблюдается повсюду») [22], также истоки этой концепции обнаруживаются в теоретических работах Майкла Хардта и Тони Негри [21], но окончательно эта концепция оформилась в книге британского экономиста Гая Стэндинга «Прекариат: новый опасный класс» [18]. Основным чертами прекариата является статус временно занятых, отсутствие стабильного дохода, перманентный риск перехода в статус безработных. Прекариату присуща неуверенность в жилье, в работе, в социальной защите. Прекариат не может рассчитывать на социальные пособия или корпоративные поощрения, только на прямое денежное вознаграждение, а периоды труда чередуются с периодами безработицы. «Обычно вы оказываетесь заняты в нескольких краткосрочных работах, лишаясь возможности планировать что-то на будущее» [19. С. 67].

Вторым концептом, описывающим тот же самый экономический процесс, является «гигономика» (hygonomics), или «гигэномика» (gig economy). Л.В. Лapidус определяет гигономику как распространение новых видов частичной занятости и краткосрочных трудовых контрактов, выступающих альтернативой долгосрочным трудовым отношениям на основе штатного трудоустройства [8]. Иными словами, гигономика — это «социально-экономическая модель совместного использования трудовых ресурсов / профессиональных навыков при условии, что работник может одновременно совмещать сразу несколько должностей в разных компаниях, расположенных в любой точке мира, посредством цифровых электронных сервисов» [9. С. 74]. Для гигономики характерны: работа через удаленный доступ, фриланс, краудсорсинг, выполнение отдельных частей работы, каждая из которых оплачивается отдельно (проекты или подряды). Люди, занятые в области гигономики, редко могут похвастаться финансовой безопасностью, уровень риска их финансовой жизни никогда не снижается вне зависимости от стажа [23. С. 69].

Очевидно, что оба приведенных концепта описывают одно и то же явление, а разница между ними чисто терминологическая, в данной работе мы будем использовать концепт прекарных форм занятости.

Итак, рост прекарности труда связан с: 1) с постфордистской моделью сокращения издержек через увеличение гибкости труда; 2) интернационализацией экономических элит; 3) развитием цифровых технологий, в частности — интернет-сети, обеспечивших эффективное использование аутсорсинга и фрилансинга. Цифровые технологии предоставили бизнес-элите новые приемы ухода от обязательств и уклонения от социальной ответственности, что обострило ненадежность положения наемного рабочего. Если раньше предприятия были привязаны к стране, в которой они были созданы, и «работники предприятий, организованных по образцу фордовских заводов, могли демонстрировать свою „досаждающую“ силу и заставлять менеджеров обсуждать сносный *modus vivendi*, идти на компромиссы...», то «...сегодня ситуация совсем иная; одна из сторон (но не другая) с болью осознает, что ее партнеры по переговорам могут легко встать из-за стола и уйти в любой момент; еще один нажим — и они просто подхватят свои кейсы и уйдут, так что разговаривать будет не с кем» [2. С. 45]. Это ставит рабочих в уязвимое положение отсутствия любых гарантий занятости.

Классический пример реализации стратегии новой экономики — работа компании Uber, онлайн-агрегатора служб такси. На компанию трудятся более 3-х миллионов человек, при этом всего несколько тысяч из них реально находятся в ее штате. Uber не считает водителей и курьеров, соединенных с компанией мобильным приложением, своими сотрудниками и не обеспечивает их социальным пакетом. В 2017 году транспортный регулятор Лондона отказался продлевать лицензию Uber на перевозку пассажиров, потребовав у компании учитывать требования нормативных актов в сфере труда. В ответ компания подала апелляцию и провела собственное исследование «Uber Happy? Work and Well-being in the Gig Economy», в котором утверждалось, что большинство водителей чувствуют себя довольными, так как гибкий график работы является большим преимуществом, нежели оплачиваемый отпуск или больничный.

Важно заметить, что «...дезинтеграция устойчивых трудовых паттернов отчасти следовала желаниям самих рабочих — именно они не хотели, что вполне понятно, работать на одной и той же фабрике по сорок лет» [19. С. 67]. Однако когда долгожданная «эмансипация труда» наступила большинство классических инструментов борьбы за права рабочих оказались неэффективными. Профсоюзы, лейбористские и социал-демократические партии слишком тесно срослись с фордистским типом производства. В распоряжении профсоюзов был осознавший себя класс рабочих, объединенный общностью экономических интересов, форм занятости и физической локацией, и был класс владельцев средств производства, с которых можно спросить. В отличие от пролетариата прекариат пока не осознал общности своих интересов и положения в системе распределения, а значит, прекариат не стал классом «для себя». Разношерстные члены этой социальной группы находятся в отношении жесткой конкуренции по отношению друг к другу. Что касается владельцев средств производства: как можно надавить на работодателя, который может в любой момент расторгнуть трудовые отношения, при этом издержки расторжения для работодателя уменьшаются, а для работника возрастают? Кроме профсоюзов и государства, никто не может обеспечить гарантию долговременной занятости. Капитал стал невероятно мобильным и глобальным, если раньше предприятия удерживались на месте возрастанием транзакционных издержек при переводе производства в зону с «исторически» более низкой оплатой труда [Валлерстайн 2015, 28], то теперь сопутствующие переездам транзакционные издержки значительно снизились из-за появления аутсорсинга, фрилансинга и офшоров.

Показательным примером ухода технологических компаний от социальной ответственности, в том числе от уплаты налогов, является объем резервов, выведенный ведущими технологическими компаниями в офшор. По данным, предоставленным комиссией по ценным бумагам и фондовому рынку США (SEC), по состоянию на март 2016 года из объема резервов компании Apple, составляющего 206 млрд долл. — 200 млрд находится в офшорах, из 103 млрд компании Microsoft — 96 млрд и так далее [17. С. 31]. Офшорные деньги не возвращаются на родину даже в случае возникновения необходимости погашения корпоративного долга, потому что дешевле взять новый кредит на погашение долга, чем платить налог на прибыль с возвращенных из офшора денег. Пока корпорации уходят от налогов, национальные экономики терпят убытки, что делает положение незащищенных слоев общества еще более шатким, поскольку именно из налогов выплачиваются пособия по безработице.

Выход корпораций на глобальный уровень также может привести к перераспределению властных функций. Глобальные сетевые корпорации, обладающие колоссальными объемами данных, контролируют потоки информации, что является мощным ресурсом власти. В условиях тотального подключения агентов к сети корпорации могут регламентировать распространение информации и влиять на принятие политических решений и результаты выборов при внешней видимости демократии. «Возникает соблазн возможности наднационального управления миром, т.е. формирования своеобразной Глобальной Империи» [13. С. 12].

4. Общества контроля

Изменение условий труда закономерно приводит к изменению способов повышения производительности труда. Компании в своем стремлении вывести как можно больше различных функций вовне, сохранив внутри компании только ядро, состоящее из высококвалифицированных специалистов с высоким доходом, должны находить новые способы повышения производительности труда людей, работающих в удаленном доступе. Если раньше рабочие концентрировались в закрытых пространствах, где их действия было легко контролировать, то для внешних сотрудников фиксированного рабочего места может не существовать, как и фиксированного рабочего времени. Из «дисциплинарных обществ», которые с невероятной внимательностью к деталям описывал Мишель Фуко [20], мы переходим к «обществам контроля».

Для «дисциплинарных обществ», достигших своего расцвета к началу XX века тяжелой индустрии, характерна сегментация социального пространства, выраженная в организации закрытых пространств изоляции, где концентрируется власть. Индивид по мере взросления непрерывно переходит от одного закрытого пространства к другому: семья, школа, армия, завод, иногда больница и тюрьма. Задача замкнутых пространств — концентрировать, упорядочивать производительные силы во времени и пространстве таким образом, чтобы полученный эффект превышал суммированный результат всех компонентов по отдельности.

Для «обществ контроля» характерна распределенная кибернетическая власть, которая не концентрируется в сегментированных пространствах изоляции, но основывается на непрерывной модуляции контролирующих функций и их взаимной конвертации [5. С. 226—233]. На смену более или менее четким контурам пространств концентрации власти приходит сетевой или — в терминах Делёза — ризоматичный режим континуальности власти. Внешнее принуждение интериоризируется, совершает переход извне вовнутрь. Прекариат становится «сам себе начальником», в результате чего размываются традиционные для фордистского рабочего дистрикции рабочее место/дом и работа/досуг. Образование, связанное с получением необходимых для работы компетенций, становится пожизненным процессом, меняются темп и ритм работы. «Тюремный режим дисциплины размывается технологиями контроля с их системами постоянного потребления и непрерывного развития» [19. С. 66].

Все это подается под маркером «эмансипации труда»: гибкий график занятости, отсутствие привязки к определенному рабочему месту, возможность сменить род деятельности, увеличение свободного времени. Однако обнаруживается подлог: свободного времени не становится больше, вместо этого стирается грань между рабочим и свободным временем. «У нас больше нет рабочего места. Вместо него появляются рабочее пространство и жизненное пространство — и представляется, что со временем они сольются в одно» [14. С. 59]. Гибкий график и отсутствие фиксированного рабочего места оборачиваются новыми формами эксплуатации, свойственными обществам контроля. Работа берется на дом, из-за чего дом превращается в рабочее место. «Следствием этого „неопределенно долгого“ режима

власти является то, что внешний надзор замещается внутренним управлением. Контроль работает только тогда, когда вы заодно с ним» [19. С. 49].

Тема соотношения пространств «рабочего места» и «домашней обстановки», изменяющегося от эпохи феодализма к фордизму и постфордизму, затрагивается в работе Дэвида Гартмана «Постмодернизм или логика культуры постфордизма?» [6. С. 18—51]. В эпоху феодализма дом и работа были неотделимы друг от друга. Все, что требовалось крестьянину для обеспечения своего существования, находилось у него «дома». Земля для крестьянина — это источник пищи, его дом и место работы. Начиная с промышленной революции, вызвавшей рост товарного производства, происходит размежевание пространств дома и работы друг от друга. Экономические игроки в большинстве своем утратили возможность удовлетворять свои потребности, не вступая при этом в рыночный обмен. Возникает всеобщая (или обобщенная) зависимость от рынка. Чтобы заработать деньги для покупки необходимых для выживания товаров, надо вступить в рыночное взаимодействие с целью продать другие товары, в том числе обменять свой объективированный в товарной форме труд на заработную плату. Место, где ты продаешь свой труд, противопоставляется дому, выполняющему рекреационную и досуговую функции. «С одной стороны, люди, зажатые рамками рационализованного фордистского производства, ощущали себя как объективные фрагменты среды, регулируемой чужеродной логикой капиталистической рациональности. С другой стороны, массовое потребление (*порожденное все тем же фордистским производством* — примечание *Е.Ц.*) давало людям иллюзию неприкосновенности частной жизни, сосредоточенности на самом себе и изолированности от внешнего мира в окружении своей семьи и имущества. Такая иллюзия возникала в результате того, что фрагментарность, присущая рабочему месту, была отделена во времени и пространстве от целостности, свойственной домашней обстановке» [6. С. 27].

На современном этапе развития капитализма понятия дома и работы смешиваются: дом становится рабочим местом благодаря современным технологиям, расширяющим возможности удаленного доступа, осуществляемого через цифровые девайсы посредством Интернета. При этом меняется ритм работы.

В эпоху фордизма рабочее время было определено сменами, производством, ритмом конвейеров, а в постфордистском обществе распространяется свободный рабочий график, позволяющий работать в удобное время. Результатом этого является распространение проектной формы работы, при котором работники готовы к переработкам и нефиксированному рабочему дню, поскольку проект, в отличие от рутинной неопределенно долгой работы на конвейере, рано или поздно завершится. Важно отметить, что рабочие сами отдают предпочтение проектным (а значит — эпизодическим) формам занятости, а не рутинным. Психологическое удовлетворение, получаемое от завершения проекта, вызвано в том числе интериоризацией властных функций вовнутрь, заменой внешней принудительности внутренним контролем, легитимированным психологическим удовлетворением. Иными словами, удовольствие лишь маскирует структурное принуждение иного порядка.

На смену трудовой рутине приходит проект, который, как пишет Паскаль Гилен, «...действительно резко повышает производительность и интенсифицирует творческий характер труда, но в то же время ... является удобным способом психологической, социальной и физической эксплуатации. Вдохновленные идеей проекта участники воображают, что нашли для себя рай на земле, поскольку им кажется, что их коллективное творчество безгранично. Но те, кто скачет от проекта к проекту, постепенно осознают, что такой способ работы питается только их интеллектуальной и физической энергией, в конечном итоге приводя к истощению. Проект выжимает вас до последней капли» [6. С. 165—166].

Проект как новый способ мобилизации внутренних сил наемного работника ориентирован на достижение определенной цели. Достигнув цели, проект закрывается, после чего работник ищет новый и так далее. Новый проект может потребовать от работника иных компетенций. В этих условиях увеличивается ценность гибкости рабочего, его умения приспособиться к динамично меняющейся конъюнктуре рынка. Знания и компетенции приобретают краткосрочный характер, как отмечал Ричард Сеннет: если раньше рабочие могли приобрести заданный набор навыков и претендовать на постепенное восхождение по карьерной лестнице, то теперь нужно переучиваться всю жизнь [16]. Быть умным в XXI веке означает «...быть динамичным и номадичным, быть против централизованной бюрократии; верить в диалог и кооперацию, а не в центральную власть; в гибкость, а не в рутину; в культуру и знания, а не в промышленное производство; в спонтанное взаимодействие и аутопоэзис, а не в заданную иерархию» [19. С. 57]. Одним из главных способов минимизации издержек постфордистской модели экономического развития является увеличение гибкости рынка труда, что означает «переложить бремя рисков на плечи работающих и их семей, делая их еще более уязвимыми» [18. С. 10].

Еще одним средством увеличения производительности труда является аффективный инжиниринг, свойственный обществам контроля: «будь умным, будь креативным, не потому, что тебе приказывают, а потому, что ты хочешь выразить себя, хочешь потреблять больше, для этого нужно работать эффективней». На этой почве возникают бесконечные тренинги, семинары, вебинары, мастер-классы и воркшопы — все это призвано «сделать тебя лучше». Рекламный слоган обществ контроля: «стань лучшей версией себя». Под «лучшей», конечно, подразумевается «более эффективной» в производстве и потреблении.

Изменившиеся модели производства и распределения взаимосвязаны с изменением человеческой идентичности. Идентичность, по выражению Зигмунта Баумана, становится «ликвидной», то есть перестает быть предписанным императивом и становится произвольным конструктом. Подобно умениям, знаниям и системе найма идентичность человека тоже становится «краткосрочной» [2]. «Помимо незащищенности труда и незащищенности общественного дохода прекариату недостает самоидентификации на основе трудовой деятельности» [18. С. 29].

Если обратить внимание на активность людей в Интернете как современный способ развлечения и самовыражения, то можно заметить, что человек в сети представляется дискретным потоком постов, в котором он выражает свою идентичность. На пересечении различных культурных предпочтений, досуговых и про-

фессиональных событий, потребительского интереса рождается сконструированная идентичность, которая может быть изменена в любой момент. Это является зеркальным отражением эпизодической занятости, так как идентичность в каком-то смысле так же становится «эпизодической». Сеть находится в постоянном динамичном изменении, живет только сегодняшним днем. На смену умению сосредоточиться на чем-то одном приходит мультизадачность. Как пишет Гай Стэндинг, образованный ум — это ум, признающий пользу «скуки», состояния покоя и созерцания [18. С. 40]. Но людям, встроенным в сеть, некогда скучать: «Скучать — значит просто быть отделенным от коммуникативной матрицы SMS-сообщений, YouTube и фастфуда, действующих в качестве стимула и реакции. То есть быть отлученным на какой-то момент от постоянного потока сладковатого вознаграждения, выдаваемого по запросу» [19. С. 51]. Такие формы развлечения становятся краеугольным камнем обществ контроля с распределенной кибернетической моделью власти, что взаимосвязано с постфордистским способом организации производства и прекарными формами занятости.

Заключение

Любая действительно инновационная технология, будучи внедренной в производство, не просто открывает новые возможности развития общества, но в некотором смысле предопределяет эти возможности, несет собственное «послание», имеет потенциалы и лимиты своего использования, инерцию своей эксплуатации, что, однако, не означает, что нет возможности точечно корректировать курс общественного развития. Иными словами, если цифровые технологии не повышают качество жизни людей, всегда остается возможность эти технологии изменить, не отказываясь от них полностью. Такой вид радикальной критики мы оставим луддитам. Главное — осознавать, какие последствия будут иметь те или иные вносимые изменения. Безусловно, каждая из описанных здесь тенденций требует более детального изучения, однако следует брать во внимание их системную взаимообусловленность (попытка описания которой была представлена в данной статье), так как корректирование направления движения одной из тенденций способно привести и приведет к изменению всех остальных.

Информация о финансировании и благодарности. Публикация подготовлена в рамках деятельности ведущей научной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление» и при поддержке РФФИ № 18-011-00980 «„Социальная эволюция“ и „прогресс“ как категории номотетического познания».

Список литературы

- [1] *Барбрук Р.* Интернет-революция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
- [2] *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
- [3] *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 330—342.
- [4] *Валлерстайн И.* Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 23—61.

- [5] Делёз Ж. Post Scriptum к обществам контроля // Переговоры. СПб.: Наука, 2004. С. 226—233.
- [6] Ильченко М.С., Мартыанов В.С. (ред.) Постфордизм: концепции, институты, практики. М.: Российская политическая энциклопедия, 2015.
- [7] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- [8] Ланидус Л.В. Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией. М.: ИНФРА-М, 2018.
- [9] Ланидус Л.В., Полякова Ю.М. Гиганомика как новая социально-экономическая модель: развитие фрилансинга и краудсорсинга // Вестник ИЭ РАН. 2018. № 6. С. 73—89.
- [10] Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2014.
- [11] Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
- [12] Миронов В.В. Компьютеризация: проблемы и перспективы (социальный аспект) // Философские науки. 1987. № 7. С. 26—36.
- [13] Миронов В.В. Размышления о реформе российского образования. М.: Воробьев А.В., 2011.
- [14] Нордстрем К.А., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк навсегда: Капитализм в удовольствии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008.
- [15] Рифкин Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
- [16] Сеннет Р. Коррозия характера. Новосибирск: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2004.
- [17] Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- [18] Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
- [19] Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010.
- [20] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 2015.
- [21] Хардт М., Негри Т. Империя. М.: Праксис, 2004.
- [22] Bourdieu P. La précarité est aujourd'hui partout // Contre-feux, Paris: Raisons d'agir, 1998. С. 96—102.
- [23] Lanier J. Arguments for Deleting Your Social Media Accounts Right Now. New York: Henry Holt and Company, 2018.

Сведения об авторе:

Цуркан Евгений Геннадьевич — аспирант философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: unigendeth@gmail.com).

Дряева Элла Давидовна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dryaeva.ella@gmail.com).

The Impact of Digital Technologies on Production Models and Forms of Employment: Socio-Philosophical Analysis

E.G. Tsurkan, E.D. Dryaeva

Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991

Abstract. The process of integration of digital technologies into the structure of social production and distribution leads to a series of definite trends in capitalist development. These trends are regular and interdependent. The acceleration of information exchange provides an opportunity to replace the Fordism

with a thriftier network model, which involves outsourcing and reducing the longevity of contractual obligations and hiring relationships, which leads to the precarization of labor of a certain social group, which can be described as “precariat”. The change in working conditions leads to the change in ways of increasing labor productivity, which is the reason for the emergence of “societies of control” characterized by: distributed power, embedding previously external coercion into the personality, affective engineering, prolongation of the educational process, increasing tempo and rhythm of work, spreading the project as the form of work replacing routine forms, and the emergence of a liquid short-term identity inherent in representatives of the precariat. This article aims to discover and demonstrate the interconnection between these processes. Achieving this goal will open the way to a more thorough separate study of each of these processes in the future but this research will be made from the perspective of their systemic unity. According to the purpose of the article, the structure of work is the following: the first section is devoted to the acceleration of social time, which is connected with the compression of social space and with the change in scale in which commercial and state enterprises can operate. Quick positive feedback, which is provided by the digital network, leads to changes in the infrastructure of enterprises and the transformation of production and logistics models (Section 2). In addition, the acceleration of the feedback between the employee and the employer leads to the precarization of labor (Section 3), which is accompanied by the appearance of “societies of control” (Section 4).

Key words: Fordism, network production model, precarious forms of employment, liquid identity, societies of control, capitalism, digital technologies, internet

References

- [1] Barbrook R. *The internet revolution*. Moscow; 2015. (In Russ.).
- [2] Bauman Z. *The individualized society*. Moscow; 2005. (In Russ.).
- [3] Bell D. *The social Framework of the Information Society*. In: Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade. Moscow; 1986. (In Russ.).
- [4] Wallerstein I. ‘Structural Crisis, or Why Capitalists May no Longer Find Capitalism Rewarding’. *Does Capitalism have a Future?* Moscow; 2015. (In Russ.).
- [5] Deleuze G. ‘Postscript on the Societies of Control’. In: Deleuze G. *Peregovory*. St. Petersburg; 2004. (In Russ.).
- [6] Ilchenko MS, Martyanov VS. (eds.) *Post-Fordism: Conceptions, Institutions, Practices*. Moscow; 2015. (In Russ.).
- [7] Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow; 2000. (In Russ.).
- [8] Lapidus LV. *Digital Economy: E-business and e-commerce management*. Moscow; 2018. (In Russ.).
- [9] Lapidus LV, Polyakova YuM. ‘Hygonomics as a new socio-economic model: the development of freelancing and crowdsourcing’. *Vestnik IE RAN*. 2018;(6). P. 73—89. (In Russ.).
- [10] McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. Moscow; 2014. (In Russ.).
- [11] Manovich L. *The language of new media*. Moscow; 2018. (In Russ.).
- [12] Mironov VV. ‘Computerization: problems and prospects (social aspect)’. *Filosofskie nauki*. 1987;(7):26—36. (In Russ.).
- [13] Mironov VV. *Reflections on the reform of Russian education*. Moscow; 2011. (In Russ.).
- [14] Ridderstråle J, Nordström KA. (2007) *Funky Business Forever: How to Enjoy Capitalism*. Moscow; 2008. (In Russ.).
- [15] Rifkin J. *The Third Industrial Revolution: How Lateral Power is Transforming Energy, the Economy, and the World*. Moscow; 2014. (In Russ.).
- [16] Sennett R. *The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*. Moscow; 2004. (In Russ.).
- [17] Srnicek N. *Platform Capitalism*, Polity Press Ltd. Moscow; 2019. (In Russ.).
- [18] Standing G. *The precariat: The new Dangerous Class*. Moscow; 2014. (In Russ.).
- [19] Fisher M. *Capitalist Realism: Is There No Alternative?* Moscow; 2010. (In Russ.).

- [20] Foucault M. *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Moscow; 2015. (In Russ.).
- [21] Hardt M, Negri A. *Empire*. Moscow; 2004. (In Russ.).
- [22] Bourdieu P. 'Precariousness is Everywhere Nowadays'. In: Bourdieu P. *Contre-feux*. Paris; 1998. pp. 96—102. (In French).
- [23] Lanier J. *Arguments for Deleting Your Social Media Accounts Right Now*. Henry Holt and Company. New York; 2018.

Article history:

The article was submitted on 03.06.2019

The article was accepted on 12.07.2019

For citation: Tsurkan E.G., Dryaeva E.D. The Impact of Digital Technologies on Production Models and Forms of Employment: Socio-Philosophical Analysis. *RUDN Journal of Philosophy*. 2019; 23 (4): 533—547. doi: 10.22363/2313-2302-2019-23-4-533-547